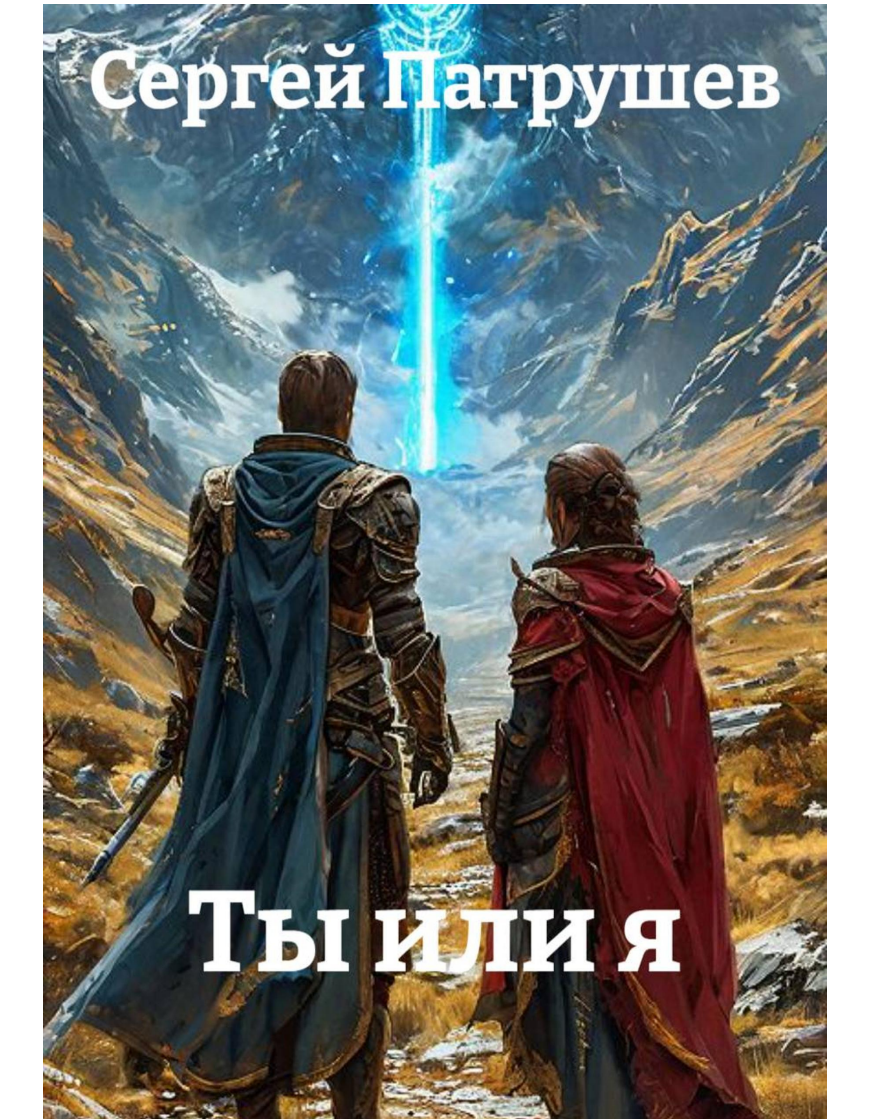

The background of the cover is a detailed illustration of two armored warriors standing in a mountainous landscape, looking at a bright blue beam of light descending from the sky. The warrior on the left wears a blue cape and armor, while the one on the right wears a red cape and armor. The mountains are rugged and rocky, with some snow or ice patches. The sky is filled with swirling clouds and a bright blue beam of light that originates from a glowing point above the characters.

Сергей Патрушев

Ты или я

Сергей Патрушев

Ты или я

<https://litres.ru/74367172>

SelfPub; 2026

Аннотация

Королевство Эльдар умирает. Война с северными кланами истощила земли, а древний артефакт — Сердце Мира, питающее всё живое магией, угасает с каждым днём. Чтобы вернуть ему силу, нужна не просто жертва, а добровольный дар. Старое пророчество гласит: лишь двое, связанные узами ненависти или любви, смогут дойти до алтаря в Забытых горах и сделать невозможный выбор.

Кайл — опальный маг, осуждённый за запретные эксперименты. Лиана — капитан королевской стражи, дочь обещанного генерала. Они ненавидят друг друга с юности, но у них нет выбора: отказ от миссии означает казнь для них и их семей.

Впереди проклятые земли, духи павших, отряды наёмников и древняя магия, которая не прощает ошибок. И главный вопрос, на который должно ответить Сердце: кто из двоих достоин жить?

Тёмное фэнтези о ненависти, жертвенности и любви, что рождается там, где смерть подходит слишком близко.

Содержание

Глава 1. Королевский приказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Патрушев

Ты или я

Глава 1. Королевский приказ

Ветер с севера пах пеплом и гнилым деревом. Он пробирался сквозь узкие бойницы замка, заставляя пламя факелов метаться в железных кольцах, отбрасывая на каменные стены длинные, дрожащие тени. Королевство Эльдар умирало медленно, и каждый его житель чувствовал это кожей, костями, самой глубиной души.

Война с северными кланами, длившаяся уже седьмой год, высосала из земель все соки. Поля лежали невозделанными, деревни стояли пустыми, а дороги, некогда оживлённые торговыми путями, теперь принадлежали лишь воронью да ветру.

Даже камень, из которого были сложены стены древней столицы, казалось, начал крошиться быстрее, словно сама земля отказывалась держать на себе творения человеческих рук. С каждым месяцем всё меньше телег въезжало в городские ворота, всё реже звонили колокола на рыночной площади, и всё тише становились голоса людей, привыкших говорить шёпотом, будто громкий звук мог окончательно разрушить то хрупкое равновесие, на котором ещё держалось их существование.

В тронном зале было холодно, несмотря на жарко пылающий камин. Огонь пожирал целые поленья, но тепло, казалось, уходило куда-то вверх, в тёмные своды, терялось среди каменных арок и не достигало пола, где стояли двое.

Король Август III сидел на высоком резном троне из почерневшего дуба, и его фигура, закутанная в тяжёлый бархатный плащ, подбитый горностаем, казалась лишь ещё одним изваянием среди множества каменных статуй, застывших вдоль стен. Его лицо, некогда красивое и волевое, теперь осунулось, щёки впали, а под глазами залегли глубокие тени — следы бессонных ночей, проведённых над картами и донесениями с фронта.

На пальце правой руки тускло поблёскивал тяжёлый перстень с королевской печатью — символ власти, которая с каждым днём становилась всё более призрачной. Он сидел

неподвижно, лишь изредка переводя взгляд с одного посетителя на другого, и в этом взгляде читалась не королевская надменность, а глубокая, вьевшаяся в кости усталость человека, несущего на плечах груз, оказавшийся непосильным.

Перед тронем, на холодных каменных плитах, стояли двое. Они не смотрели друг на друга. Даже воздух между ними, казалось, звенел от напряжения, от той глухой, устоявшейся ненависти, что зародилась много лет назад и с тех пор лишь набирала силу, подобно яду, медленно пропитывающему дерево.

Пространство, разделявшее их — едва ли три шага, — ощущалось как пропасть, через которую не было и не могло быть моста. Они стояли так, словно каждый был окружён невидимой стеной, и даже их тени на каменных плитах не соприкасались, будто сам свет избегал соединять то, что должно было оставаться разделённым.

Кайл стоял слева. Его длинные чёрные волосы, небрежно стянутые в хвост кожаным шнурком, падали на плечи, а тёмные глаза смотрели на короля с ленивым, почти оскорбительным спокойствием.

На нём был простой дорожный плащ тёмно-серого сукна, под которым угадывалась кольчуга, но даже в этом скромном одеянии он умудрялся выглядеть так, будто весь мир принадлежал ему по праву рождения. Его осанка была расслабленной, почти небрежной — так стоят люди, которым нечего терять и которым всё равно, что о них подумают. Репута-

ция у Кайла была сомнительной — маг с выдающимися способностями, но с ещё более выдающимся пренебрежением к правилам. Его осудили за запретные эксперименты, за попытки проникнуть в те области магии, которые Церковь и Корона объявили ересью.

Многие шептались, что он продал душу Тёмным, другие — что он просто безумец, одержимый жаждой знаний. Истина, как всегда, была где-то посередине. Но то, что Кайл опасен, не сомневался никто. Даже сейчас, стоя перед королём, он выглядел так, будто держал при себе какую-то неведомую силу, готовую сорваться в любой момент — как сжатая пружина, спрятанная под маской безразличия.

Лиана стояла справа. Капитан королевской стражи, она вытянулась по стойке смирно, и её спина была прямой, как клинок, который висел у неё на поясе. Светлые волосы, заплетённые в тугую косу, открывали высокий лоб и резкие, волевые черты лица.

В её серых глазах не было и тени подобострастия — лишь холодная, отточенная годами службы готовность и что-то ещё, глубоко запрятанное, что заставляло её сжимать челюсти до боли в скулах. Она была дочерью генерала, который когда-то считался опорой трона, а теперь влачил существование опального изгнанника. И хотя король, казалось, простил ей происхождение, доверив командование стражей, тень отцовского позора всё ещё висела над ней, как дамоклов меч. Каждый её шаг, каждое решение, каждое слово —

всё рассматривалось сквозь призму прошлого, и она давно научилась жить с этим, как живут со старым ранением, которое никогда не заживает до конца.

Она ненавидела Кайла с тех самых пор, как он, будучи ещё юнцом, публично высмеял её на турнире магов, а она в ответ сломала ему нос. Ненависть была старой, привычной, как старый шрам, который болит к непогоде. Но за этой ненавистью скрывалось и нечто большее — глухое раздражение от того, что он, со всеми своими пороками, всё ещё оставался жив, всё ещё умудрялся выходить сухим из воды, в то время как её семья расплачивалась за чужие грехи.

Король заговорил, и его голос, хриплый от усталости, эхом прокатился под сводами зала.

— Война истощила нас, — начал он, не утруждая себя приветствиями. — Северные кланы отброшены к границе, но цена... Цена оказалась слишком высока. Наши поля скудеют. Магия, что питала эти земли веками, иссякает. Реки мелеют, леса гниют на корню, а дети рождаются мёртвыми. — Он замолчал, переводя взгляд с одного на другого. — Вы оба знаете, о чём я говорю.

Кайл слегка склонил голову, изображая внимание. Лиана осталась неподвижной, как статуя. Никто из них не проронил ни слова, и эта тишина была красноречивее любых ответов. Они действительно знали. Знали, потому что видели умирающие деревни, знали, потому что чувствовали, как сама земля под ногами становится холоднее, как вода в колод-

цах отдаёт горечью, как по ночам небо затягивается странной, зеленоватой дымкой, которую не могли объяснить даже самые мудрые из придворных магов.

— Сердце Мира, — произнёс король, и слово это упало в тишину зала, как камень в стоячую воду. — Древний артефакт, что дарует нашей земле жизнь. Он угасает. Медленно, неотвратно. И если мы не найдём способ перезарядить его, через год от Эльдара останется лишь выжженная пустошь.

Слова короля повисли в воздухе, и каждый из стоявших перед ним осознал их тяжесть по-своему. Кайл — как учёный, понимавший, что угасание такого мощного источника магии не может пройти бесследно для всего живого. Лиана — как воин, представлявший, что станет с королевством, когда последние крохи плодородия исчезнут, а голод и отчаяние толкнут людей на то, на что они никогда не решились бы в мирные времена. Они оба знали, что король не преувеличивает. Возможно, он даже преуменьшал масштаб катастрофы.

Кайл позволил себе едва заметную усмешку, которая, впрочем, тут же исчезла.

— И вы, Ваше Величество, полагаете, что способ найдётся? — спросил он с той вкрадчивой интонацией, которая всегда выводила Лиану из себя. — Или вы призвали нас, чтобы мы стали свидетелями вашего триумфа?

Август проигнорировал его тон. Король слишком долго правил, чтобы реагировать на подобные уколы. Он лишь

слегка подался вперёд, упираясь ладонями в подлокотники трона, и его взгляд стал тяжелее.

— Старинные тексты, — продолжил он, — те, что хранятся в подземельях монастыря Святого Элиана, содержат пророчество. Оно гласит, что перезарядить Сердце можно лишь жертвой родственной крови. Но не простой. Не убийством. Добровольным даром.

В зале повисла напряжённая тишина. Слышно было, как потрескивают дрова в камине, как где-то далеко, за стенами замка, перекликаются стражники на стенах. Казалось, даже воздух стал плотнее, тяжелее, словно сами стены придвинулись ближе, внимая словам короля. Кайл перестал улыбаться. Его лицо стало сосредоточенным, а взгляд — острым, как бритва. Лиана же по-прежнему стояла неподвижно, но побелевшие костяшки пальцев на рукояти меча выдавали её напряжение.

— Текст утверждает, — король понизил голос, — что только пара, связанная узами ненависти или любви, дойдя до алтаря в Забытых горах, сможет активировать артефакт. Пара, чьи души сплетены воедино, но не равнодушием, а сильным чувством.

Лиана впервые за всё время шевельнулась. Её рука непроизвольно легла на рукоять меча, а глаза сузились.

— Вы хотите сказать, — произнесла она медленно, — что мы должны отправиться туда вместе?

Король посмотрел на неё тяжёлым взглядом.

— Именно это я и говорю, капитан.

Кайл негромко рассмеялся. Смех его, сухой и резкий, прозвучал в зале, как треск ломающейся ветки. Он качал головой, и в этом жесте было столько искреннего неверия, что на мгновение даже Лиана почувствовала нечто похожее на понимание. Впервые за долгое время они оба испытывали одно и то же — абсурдность происходящего была настолько очевидной, что не могла не объединять.

— Это шутка, Ваше Величество? — поинтересовался Кайл, даже не пытаясь скрыть издёвку. — Мы с ней? Связанные узами? Да мы скорее перережем друг другу глотки на первом же привале.

— Возможно, — холодно согласился Август. — Но пророчество не оставляет выбора. Или вы идёте вместе, или... — он сделал паузу, обводя их взглядом, — или Эльдар погибнет.

— Или мы откажемся, и тогда нас казнят, — закончила Лиана. Её голос был ровным, но в нём слышалось нечто, похожее на металл. — Вы ведь это хотели сказать?

Король не отвёл взгляда.

— Отказ равен казни для вас и ваших семей, — подтвердил он. — Я не могу позволить себе роскошь быть милосердным, когда на кону стоит судьба королевства.

Повисла тишина. Лиана смотрела на короля, и в её голове вихрем проносились мысли. Её отец, опальный генерал, доживающий свои дни в ссылке в северной провинции. Её

мать, сломленная позором, поседевшая раньше времени. Её младший брат, только-только начавший службу в пограничной крепости, писавший ей письма, полные юношеского восторга и веры в справедливость.

Если она откажется — их всех казнят. Король не блефует. Она слишком хорошо знала Августа, чтобы сомневаться в его решимости. Он был из тех правителей, которые не останавливаются перед жестокостью, если того требуют интересы государства. И сейчас он смотрел на неё не как на капитана своей стражи, а как на разменную монету в большой игре, где на кону стояло само существование Эльдара.

Кайл, казалось, размышлял о чём-то своём. Его лицо стало бесстрастным, а глаза — холодными, как у змеи. Он тоже понимал, что выбора нет. Но в отличие от Лианы, его не сковывали мысли о семье. Его семья давно отвернулась от него, и он платил им тем же.

Его мать умерла, когда он был ещё ребёнком, отец отрёкся от него после первого же скандала, а братья и сёстры предпочли забыть о его существовании. Ему некого было терять, кроме собственной жизни, и именно это делало его одновременно и свободным, и опасным. Однако он был не из тех, кто покорно идёт на смерть.

Если есть хоть малейший шанс выжить и, возможно, раздобыть что-то ценное в этих проклятых горах, он им воспользуется. А то, что Забытые горы хранили множество тайн — в этом он не сомневался. Древние руины, забытые маги-

ческие источники, возможно, даже знания, которые могли бы вознести его на небывалую высоту. Нужно лишь добратся туда и остаться в живых.

— И что нам нужно будет делать? — спросил он наконец, и его голос прозвучал почти скучающе. — Просто дойти до этого вашего алтаря?

— Не просто дойти, — ответил король. — Текст гласит, что на алтаре один из пары должен добровольно отдать свою кровь. Не просто несколько капель. Всю. До последней.

Вновь тишина. На этот раз она была тяжёлой, как свинец. Даже огонь в камине, казалось, притих, словно и он прислушивался к словам короля. Кайл медленно выдохнул, и этот звук в наступившей тишине прозвучал неожиданно громко. Лиана же не шелохнулась, но в её глазах промелькнуло нечто, чего Кайл никогда раньше не видел — не страх, не гнев, а какая-то глубокая, затаённая боль, мелькнувшая и тут же исчезнувшая, как отблеск молнии в грозовом небе.

— Один из нас должен умереть, — медленно произнесла Лиана. — И сделать это добровольно.

— Да, — сказал Август. — И это не может быть убийство. Только добровольный дар. Иначе Сердце не примет жертву. Кайл покачал головой, не веря своим ушам.

— И вы всерьёз полагаете, что один из нас согласится отдать жизнь ради другого? Ради врага?

— Пророчество говорит не о согласии, — поправил король. — Оно говорит о выборе. Там, в Забытых горах, у ал-

таря, вы поймёте. Возможно, вы даже не будете теми, кем были раньше. Горы меняют людей.

— Или убивают, — вставила Лиана.

— Или убивают, — согласился Август. — Но другого пути нет.

Он поднялся с трона. Это движение, казалось, стоило ему огромных усилий. Король выглядел старым и бесконечно уставшим. Он спустился с возвышения и встал перед ними, глядя то на одного, то на другую. Вблизи его лицо казалось ещё более измождённым, а глаза — ещё более пустыми, словно из них ушла вся воля к жизни, осталась лишь упрямая решимость довести дело до конца любой ценой. От него пахло старостью, воском и чем-то лекарственным, горьковатым.

— Вы выходите завтра на рассвете. Лошади и провиант уже приготовлены. Маршрут проработан моими картографами. Вам потребуется около двух недель, чтобы добраться до подножия Забытых гор. Дальше — как пойдёт. Горы не любят чужаков. — Он помолчал. — Молитесь своим богам, если они у вас есть.

Кайл усмехнулся.

— У меня их нет.

— Тем хуже для тебя, — ответил король и, повернувшись, направился к боковой двери. У самого выхода он остановился и бросил через плечо: — И да, капитан. Следите за ним. Я не доверяю ему настолько, чтобы оставлять без присмотра.

Дверь закрылась. Звук этот эхом прокатился по залу и затих где-то в дальних переходах. В зале остались только они двое и запах гаснущих факелов. Тишина сгустилась, стала почти осязаемой, и в этой тишине каждый из них слышал дыхание другого — ровное, сдержанное, но полное скрытого напряжения. Они стояли на тех же местах, не двигаясь, словно боялись, что любое резкое движение разрушит хрупкое равновесие и выпустит наружу то, что копилось годами.

Лиана повернулась к Кайлу. В её глазах горела ярость, которую она даже не пыталась скрыть. Эта ярость была почти осязаемой — казалось, ещё мгновение, и она выхватит меч и бросится на него прямо здесь, посреди тронного зала, не думая о последствиях. Но она сдержалась, хотя каждый мускул её тела был напряжён до предела, как натянутая тетива.

— Если ты хоть на секунду подумаешь о том, чтобы сбежать или предать меня, я перережу тебе горло, — произнесла она тихо, почти ласково.

Кайл посмотрел на неё с интересом, как на редкий экземпляр в коллекции. В его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или на любопытство хищника, встретившего равного по силе противника.

— О, я и не сомневался, моя дорогая Лиана. Но, может, тебе стоит приберечь свою кровожадность для тех, кто действительно попытается нас убить? А их, поверь, будет предостаточно. Забытые горы не зря так называются. Половина экспедиций, отправлявшихся туда, не вернулась.

— Я не боюсь ни гор, ни смерти, — отрезала она.

— А зря, — сказал Кайл, и в его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на искренность. — Смерть, знаешь ли, не самая приятная компания. Но, думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить её достоинства.

Он развернулся и направился к выходу из зала. Его шаги гулко разносились по каменным плитам, и каждый этот звук отдавался в груди Лианы глухим эхом. Она смотрела ему вслед, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Между пальцами выступили капельки крови, но она не замечала этого. Всё её существо было сосредоточено на одном — на этой невыносимой, душащей ненависти, которая поднималась из самой глубины её души.

Ненависть. Глухая, всепоглощающая ненависть. Она чувствовала её каждой клеточкой тела. И именно эта ненависть, как ни странно, давала ей силы. Пока он рядом, она не сломаётся. Она дойдёт до этих проклятых гор. А там... Будь что будет.

Она ещё долго стояла в пустом зале, глядя на закрывшуюся дверь. Факелы постепенно догорали, погружая зал в полумрак. Где-то вдалеке слышались шаги стражи — размеренные, привычные, успокаивающие. Но покоя не было. Впервые за долгие годы Лиана почувствовала себя по-настоящему загнанной в угол. Выбора действительно не было. И это ощущение беспомощности, пришедшее на смену привычной уверенности, пугало её больше, чем любые враги.

Ночь перед отъездом была холодной и ясной. Звёзды, рассыпанные по чёрному бархату неба, казались осколками льда. Они мерцали в вышине, далёкие и равнодушные, и их холодный свет лишь подчёркивал бесконечную пустоту, разверзшуюся над умирающим королевством. В казармах королевской стражи горели лишь несколько окон. Остальные были темны, как и души тех, кто пытался найти в них сон.

Лиана не спала. Она сидела за грубо сколоченным столом в своей тесной комнате и смотрела на разложенную перед ней карту. Маршрут, указанный королевскими картографами, вёл на северо-запад, через Мёртвый лес, вдоль реки Скорби, мимо разрушенных деревень и заброшенных фортов. Дальше — предгорья Забытых гор, а за ними — неизвестность. Никто из живущих не знал, что лежит в самом сердце гор. Только старые легенды, передаваемые шёпотом у ночных костров, рассказывали о древних руинах, о храмах давно исчезнувших богов и о тварях, что не знают ни жалости, ни страха.

Она слышала эти легенды с детства. Её отец рассказывал их, когда она была совсем маленькой, уютно устроившись у него на коленях перед камином. Тогда они казались просто страшными сказками, от которых приятно щекотало в животе. Теперь же они обретали совсем иной смысл. В каждой легенде, думала Лиана, есть доля правды. И если хотя бы половина из того, что рассказывали о Забытых горах, была правдой — им предстояло столкнуться с тем, о чём не писали в

рыцарских романах.

— Добровольная жертва, — прошептала она, глядя на карту. — Чушь. Какая разница, добровольно ты отдаёшь кровь или тебя режут? Смерть есть смерть.

Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Перед мысленным взором возникло лицо отца — измождённое, с сединой, которой не было ещё несколько лет назад. Он не заслужил того, что с ним сделали. Опала, изгнание, позор.

Всё из-за зависти придворных интриганов. А теперь её жизнь и жизнь её семьи зависела от того, сможет ли она выполнить этот безумный приказ. В глубине души она знала, что даже если они дойдут до алтаря, никто из них не вернётся прежним. А если пророчество правдиво, то один из них вообще не вернётся. И эта мысль неожиданно принесла ей странное, горькое успокоение. Если умирать, то не зря. Если жертвовать собой, то ради чего-то большего, чем собственная гордость.

Кайл тоже не спал. Он сидел в своей комнате в башне магов, куда его вернули после королевской аудиенции, и листал старинные фолианты. Запретные эксперименты, за которые его осудили, были лишь верхушкой айсберга. В действительности он занимался куда более опасными вещами — пытался понять природу магии, её источник и её пределы. И Сердце Мира всегда интересовало его больше всего. Если верить пророчеству, этот артефакт был не просто источником энергии. Возможно, в нём скрыто нечто большее. Нечто, о чём

не знает даже король.

Он провёл пальцем по пожелтевшим страницам, всматриваясь в полустёртые строки на древнем языке, который мало кто мог прочитать. Он был одним из немногих, кто мог.

Годы, проведённые в архивах, среди пыльных манускриптов и запретных трактатов, не прошли даром. Он знал языки, на которых не говорили уже тысячу лет, и мог расшифровать символы, которые другие считали бессмысленными каракулями. И сейчас, при тусклом свете свечи, он снова и снова перечитывал один и тот же отрывок, пытаясь уловить скрытый смысл.

И тогда, когда тьма поглотит свет, и земля перестанет родить, придут двое, связанные узами. И один из них отдаст всё, что имеет, ради другого. И лишь тогда Сердце воссияет вновь.

— Связанные узами, — пробормотал Кайл. — Ненависть или любовь. Что ж, с ненавистью у нас всё в порядке. Осталось понять, кто из нас станет жертвой.

Он захлопнул книгу и подошёл к узкому окну. Внизу, во дворе замка, горели факелы. Стража патрулировала стены. Город спал, не подозревая о том, что его судьба теперь в руках двух людей, которые ненавидят друг друга больше, чем можно себе представить. Кайл усмехнулся, глядя на спящие крыши. Ирония судьбы была слишком горькой, чтобы не оценить её. Весь Эльдар, всё королевство, тысячи жизней — и всё зависит от того, смогут ли два заклятых врага пройти

вместе путь, с которого не возвращаются.

Он не верил в пророчества. Он верил в факты, в закономерности, в магические формулы и древние тексты, которые можно проверить. Но даже он не мог отрицать, что в этом пророчестве было нечто, чего он не мог объяснить. Слишком много совпадений. Слишком точные указания. Словно кто-то, живший столетия назад, предвидел именно это время, именно этих людей, именно эту ситуацию. И от этого становилось не по себе. Кайл не любил, когда реальность начинала подозрительно напоминать древние легенды. Обычно это не предвещало ничего хорошего.

На рассвете всё было готово. Две лошади, выносливые и неказистые, ждали у главных ворот. Выючные сумки были набиты провиантом и снаряжением. Король лично пришёл проводить их, что само по себе было событием невиданным. Обычно он не снисходил до подобных церемоний, предпочитая оставаться в своих покоях, но сегодня он стоял на крепостной стене, закутанный в тяжёлый плащ, и смотрел, как они садятся в сёдла. Его лицо было каменным, но в глазах — тревога, смешанная с надеждой. Он знал, что отправляет их, возможно, на верную смерть. Но он также знал, что другого пути нет. И эта двойственность — надежда и вина — делала его лицо почти трагическим.

— Возвращайтесь, — сказал он, когда они уже были готовы тронуться в путь. — Возвращайтесь любыми средствами.

Лиана ничего не ответила. Она лишь прищипорила лошадь

и направилась к воротам. Кайл последовал за ней, бросив на короля прощальный, насмешливый взгляд. Он не верил в прощания. Он вообще не верил в то, что с ними будет что-то хорошее. Но, в отличие от Лианы, его это не тяготило. Он привык жить одним днём, и это делало его легче на подъём.

Они выехали за пределы города, когда солнце только начинало подниматься над горизонтом, окрашивая небо в розово-золотистые тона. Впереди лежала дорога, ведущая на северо-запад. Впереди лежала неизвестность, полная опасностей и загадок. Городские ворота со скрипом закрылись за их спинами, и этот звук прозвучал как приговор. Обратного пути не было. Ни для них, ни для королевства, которое они оставили за спиной.

Они ехали молча. Каждый был погружён в свои мысли. Каждый обдумывал то, что ждало их впереди. И каждый знал, что путь назад уже отрезан. Дорога, извивавшаяся среди пологих холмов, вела их всё дальше от столицы, от привычной жизни, от всего, что они знали. Впереди темнела полоса леса, и даже отсюда, издалека, он выглядел зловеще. Слишком тёмный, слишком тихий, слишком мёртвый.

Через несколько часов, когда город скрылся за холмами, Кайл наконец нарушил молчание.

— Знаешь, о чём я подумал? — спросил он, не глядя на спутницу.

— О том, как бы улизнуть? — отозвалась Лиана, не поворачивая головы. Её голос звучал ровно, но в нём слышалась

усталость, накопившаяся за бессонную ночь.

— Нет. Я подумал о том, что нам, возможно, стоит хотя бы притвориться, что мы друг друга не ненавидим. Хотя бы на время путешествия.

Лиана невесело рассмеялась.

— И зачем?

— Ну, хотя бы для того, чтобы не всадить друг другу нож в спину при первой же возможности, — ответил Кайл. — Как ты думаешь, у нас получится?

Она бросила на него быстрый, острый взгляд.

— Сомневаюсь.

— Я тоже, — согласился он. — Но попробовать стоит. В конце концов, мы в одной лодке.

— В одной могиле, — поправила она.

— Ну, — Кайл пожал плечами, — это тоже объединяет.

Они снова замолчали. Дорога, пыльная и ухабистая, уходила вдаль, к тёмной полосе Мёртвого леса, видневшейся на горизонте. Где-то там, в глубине этих мёртвых чащоб, начинался их путь к Сердцу Мира. Путь, с которого, возможно, не будет возврата. Лошади шли ровным, неторопливым шагом, и в такт их движению покачивались выюки. Солнце поднималось всё выше, заливая землю бледным, негреющим светом. День обещал быть ясным, но каким-то безжизненным, словно даже солнце утратило свою силу.

Ветер переменялся. Теперь он дул с севера, принося с собой запах снега и чего-то ещё, неуловимого, но отчётливо

тревожного. Запах древней магии, пробуждающейся ото сна. Запах смерти. Лиана невольно поёжилась и поплотнее запахнула плащ. Кайл же, напротив, расправил плечи и поднял голову, словно принюхиваясь к этому ветру, пытаясь распознать в нём знакомые ноты.

И где-то далеко, в самых глубинах Забытых гор, нечто шевельнулось. Нечто древнее, спавшее тысячелетиями. Нечто, ожидающее своих гостей. Оно почувствовало их приближение задолго до того, как они сами осознали, что вступили на путь, предначертанный задолго до их рождения. Оно ждало. Терпеливо, как умеют ждать только те, для кого время не имеет значения.

А где-то ещё дальше, за горами, за лесами, за всеми мыслимыми пределами, билось Сердце Мира. Слабо, едва слышно. Но каждый его удар эхом отдавался в жилах земли. И с каждым ударом это биение становилось всё тише, всё медленнее. Времени оставалось мало. Очень мало.

Они въехали в Мёртвый лес на закате. Деревья, чёрные и искорёженные, тянули к небу свои голые ветви, похожие на скрюченные пальцы. Их кора, потрескавшаяся и обугленная, свисала лоскутами, обнажая мёртвую, серую древесину. Тишина здесь стояла неестественная — ни птиц, ни зверей, ни даже ветра. Только глухой стук копыт по заросшей дороге да редкие, тяжёлые вздохи лошадей, которые нервно прядали ушами и косили глазами в тёмные провалы между стволами. Даже они, бездумные животные, чувствовали: это ме-

сто проклято.

Лес был мёртв. Совершенно. Абсолютно. И в этой мёртвой тишине, среди чёрных стволов, они впервые почувствовали его — взгляд. Чей-то невидимый, чужой, холодный взгляд, следивший за каждым их шагом. Он скользил по их спинам, как ледяная ладонь, заставляя волосы на затылке шевелиться. Это был не страх — нет, страх приходит и уходит. Это было нечто более глубокое, первобытное, унаследованное от далёких предков, которые знали: когда на тебя смотрят из темноты, это не предвещает ничего хорошего.

Кайл натянул поводья, заставляя лошадь замедлить шаг. Его глаза сузились, а пальцы незаметно сплелись в магическом жесте, готовые в любой момент выпустить заклинание. Он огляделся, пытаясь уловить источник этого взгляда, но лес молчал, храня свои тайны.

— Ты чувствуешь? — тихо спросил он.

Лиана кивнула, не оборачиваясь. Её рука уже лежала на рукояти меча. Она не была магом, но чутьё воина, отточенное годами сражений, редко её подводило. Сейчас оно кричало об опасности, вопило, требуя немедленно развернуться и бежать прочь из этого проклятого места.

— Да. Оно здесь.

— И оно не одно.

Из глубины леса, из самой чащи, послышался низкий, утробный звук. Не то стон, не то рычание. Он шёл отовсюду и ниоткуда одновременно, пробирая до костей. Этот звук был

не похож ни на что, что им доводилось слышать раньше. В нём слышалась не злоба, не ярость, а что-то иное — древняя, неутолимая тоска, смешанная с голодом, который невозможно было насытить. Они были не одни. С самого первого шага в этот проклятый лес они были не одни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.